

С. Н. Жеребцов

**Психология
переживаний личности
в динамике культуры**

Античность

Средневековье

Возрождение

Мозырь
«Содействие»
2013

Жеребцов, С. Н. Психология переживаний личности в динамике культуры : Античность, Средневековье, Возрождение / С. Н. Жеребцов. — Мозырь : Содействие, 2013. — 184 с. — ISBN 978-985-520-717-8.

В монографии обосновывается необходимость культурно-исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Культурно-исторический подход выступает не только адекватным гносеологическим основанием исследования переживаний, но и онтологическим требованием к человеку, который может сохранить свою человечность только как историческое и культурное существо. Признавая уникальность, приватность, интимность переживаний, фиксируются их социально-психологический генезис и социально-психологическая онтология. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения, динамика этих взглядов, их использование в современной психологии. Историческая специфика представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний каждой из эпох. Богатство и благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от её способности быть субъектом в культурном процессе.

Для психологов, философов, историков, культурологов, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами переживаний личности, их трансформации в социально-психологическом и социокультурном контексте.

Рекомендовано к изданию
решением заседания кафедры психологии
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
(протокол № 6 от 25 января 2013 г.)

Рекомендовано к изданию
решением заседания научного технического комитета
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский;
доктор психологических наук Г. В. Лосик

ISBN 978-985-520-717-8

© Жеребцов С. Н., 2013
© Оформление. ОДО «Образовательная
компания «Содействие», 2013

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории	11
1. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности	22
1.1. От Протагора — к Сократу	22
1.2. Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира	29
1.3. Аристотель: необходимость и целостность переживаний	33
1.4. Демокрит: переживания как регулятор поведения	40
1.5. Эпикурейство и стоицизм: две концепции управления переживаниями	41
1.6. Переживания в социокультурной ситуации античности	47
2. Средневековые переживания и представления о них	59
2.1. Христианство: феноменология переживаний	59
2.2. «Объективная взволнованность» Августина Блаженного	62
2.3. Экзистенциализм У. Оккама и индивидуализм Д. Скотта	68
2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний	71
2.5. Ф. Аквинский: личность как субъект переживаний	88
2.6. Культурно-психологическая динамика средневековья: от «домашней эпохи» к «губительному отрицанию жизни»	98
3. Переживания личности и развитие представлений о них в эпоху Возрождения	105
3.1. Ф. Петрарка: творчество и принцип суверенитета личности	105
3.2. Л. Валла: наслаждение как ценность	109
3.3. Комплексное описание жизни Леонардо да Винчи	109
3.4. Внутренний мир «благовоспитанного человека» по Б. Кастильоне	112
3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование	116
3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи к овладению переживаниями	119
3.7. Практическая философия жизни М. Монтеня	121
3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания	126
3.9. Переживание как игра и чудесное превращение	131
3.10. Переживание ренессансных противоречий: становление субъекта и реализация полноты бытия	134
Заключение: переживание как свидетельство жизни	144
Список литературы	173

и искупления и вообще вся та субъективно-психическая жизнь, которую Августин с такой глубиной и блеском выразил в своей «Исповеди». (...) Поэтому... неоплатонизм... не может заменить августиновских слез, августиновской интимности переживания и августиновской сердечной любви...» [96]. Общий характер, стиль и качество теплых, живых и выразительных текстов Августина диссонировали с трендом на формализацию не только по причине распространения неоплатонизма, но и исходя из запросов бюрократической машины слабеющего Древнего Рима. «В переходные, «темные» века в западной словесности испарился почти весь богатый, образно-экспрессивный слой речевого выражения, исчезла способность к передаче тонких смысловых нюансов. Письмо свелось к минимально логическим построениям фразы. Но это же усугубило заложенные в римском психологическом складе черты логицизирования, склонность к ясности. В поздней римской литературе хорошо прослеживается сворачивание письменности в словесную технологию» [166, с. 264].

Разочарование рационализмом у Августина связано с невозможностью только рациональным путём обнаружить истину о человеке, о его внутреннем мире, богатом самыми разнообразными переживаниями. Разум человека не всегда созвучен разуму божественному. Поэтому стратегия «уверовать, чтобы уразуметь» и стала для Августина своеобразным духовным освобождением. Тем более, что выработка отношения к своей посмертной участи стала более актуальной задачей и для самого Августина, и для его современников, и для их последователей на многие и многие века, чем шлифовка понятийного мышления. Эмпирические изыскания, попытка обрести интеллектуальную самостоятельность, как у представителей классического греко-римского познания. Переживание жизненной эмпирии, феноменально опытная атмосфера переживаниями трансцендентной духовной реальности.

2.3 Номинализм У. Оккама и индивидуализм С. Скотта

Но на что опираются переживания? Как вообще возможны высшие переживания, которые осознаются человеком и возможны только благодаря слову, каковы средства концептуализации мировоззренческих переживаний? Влияние на внутренний опыт культурных реалий было основано уже в XIV веке оксфордским профессором, философом-номиналистом У. Оккамом (1285—1349) [175]. Он принимал за исходное не аморфные порождения души, а знаки. Все универсалии («термины первой интенции») есть просто имена, обозначающие классы других имен, являющихся «терминами первой интенции». Хотя знаки Оккам трактовал очень широко, относя к ним даже ощущения, стоит отметить,

что это была одна из первых попыток в изучении переживаний перейти от интроспекции к экстраспекции. Благодаря такой установке можно было увидеть за различными знаковыми системами, за различными речевыми операциями не только различный образ мыслей человека, но и различный образный мир его чувств. К знакам как главным регуляторам душевной активности неоднократно обращались многие мыслители последующих веков, а знаково-символическое опосредствование высших переживаний стало одним из ключевых положений культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. Первенство в формулировке идеи о влиянии на внутренний мир культурных средств, посредников, тогда ошибочно приписывают И. Канту (см., например, [3, с. 22]), хотя мы видим, что она имеет более глубокие исторические корни и восходит именно к У. Оккаму.

Конечно, знаки не просто регулируют процессы переживания. Благодаря фиксирующе-определяющей функции знак «выхватывает» объект из небытия, и, следовательно, позволяет к объекту сформировать отношение. И это богатство знаков делает процесс формирования отношения высвобождающим и одновременно противоречивым, тогда субъекту необходимо возникшую ситуацию как-то пережить. Сама субъектность переживания и предметной деятельности позволяет не только произвольно обозначить предмет или процесс, но и себе дать имя, назвать себя, зафиксировать тем самым свое существование, которое само возможно, потому что означено, оформлено. По О. Манделъштаму «каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость номинализма, оснащённая эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории» (цит. по: [70, с. 336—337]).

Означение, оформление и выработка на этой основе отношения к означенному и оформленному позволяет понять диалектику человека и мира, слова и переживания, переживания и события. Причём событие здесь позиционируется в двух смыслах: и как совместное бытие, открывающее и создающее мир субъекта, и как изменения в его жизни, которые активизируют переживания. Обращение к знаку, к слову прежде всего, как к средству сознательной и в целом психической деятельности — момент в истории культуры чрезвычайной важности. Слово не просто источник познания, оно задаёт генез бытия и со-бытия, слово выводит эмоции на уровень переживаний, самым актом означения открывает субъекту реальность существования. «За словом всегда весть о событии. Существо всякого события — присутствие мира. Оно требует человека. Человек призван дать слово миру. В нерешаемом уравнении мира, языка и человека мы движемся по кругу, выбраться из которого не сможем. Участники уравнения взаимно осуществляют друг друга» [25, с. 93]. Слово может быть наполнено множеством смыслов, а может быть пустым (симулякром). Человек, используя функциональные органы (например, другие слова,

но не только), обогащает слово. Слово, в свою очередь, делает человека человеком, входит в структуру других функциональных органов. Бессловесные переживания просто невозможны, как невозможны переживания вне со-бытийности.

Для анализа проблемы социально-психологической детерминации переживаний стоит обозначить идеи Д. Скота, который, защищая индивидуальный характер бытия человека, фиксирует обязательное существование общего и общности, которые существуют не только в мысли, но и в бытии (см.: [96]). Индивидуальность являет собой не потенциальное, но актуальное бытие. Индивидуальность невозможна и немислима вне общности. Индивидуальность как раз в силу своей живой конкретности и определённости обладает неисчерпаемой всеобщностью. Актуальность индивидуальности заключается в ее отличии от всякой другой индивидуальности. Индивидуальность выступает спецификацией универсального, ее уже нельзя дальше уточнять и она является неделимой целостностью. Какое-либо переживание, исходя из этой логики Д. Скота, тоже конкретно, уникально и неповторимо благодаря такому важному свойству как невозможность его деления и дальнейшего уточнения. Эта идея отражает тот аспект переживания, который разрушается при использовании механистической аналитической процедуры.

Принципиальной, по нашему мнению, является идея, которая Д. Скотом специально не формулируется, но служит существенным развитием понимания соотношения индивидуального и универсального как возможности и необходимости переживания. Индивидуальность неизменно предполагает ответственный выбор, часто драматический и даже трагический. Выбор единичного и единого при потенциальности множества вариантов. Этот выбор осознан и проживаем как «мой» в случае игровой комбинаторики, коммуникативной открытости, в случае диалогизации сознания. Необходимость переживания заключается в том, что индивидуальное специфицируется, получая существование, посредством общения. В этой связи понятен призыв Ж. Батай «...Существование есть не что иное, как сообщение, необходимо переосмотреть с этой точки зрения все представления о жизни, бытии, «на всем, на свете» [1], с. 186]. Речь идёт не только о психологическом существовании, о самосознании, но и о том, что коммуникативность, взаимосвязь, сообщение есть способ бытия чего бы то ни было, есть существование. Данный феномен уместно обозначить понятием «контологизирующая коммуникативность».

Не менее выукло чувство индивидуальности и интимно-личного отношения человека к божеству представлено у немецкого мистика М. Экхарта. Сам человек у него есть носитель божественного, есть богочеловек.

Идеи У. Оккама, Д. Скотта, М. Экхарта, безусловно, служили основой, на которой прочно обосновался индивидуализм Возрождения, почвой для нового мировоззрения и ощущения одухотворенности собственной

жизни, ценнее которой и выше которой ничего нет. Но ценность человека как распространенный, общезначимый культурный феномен, как условие особого рода переживаний, которые А. Швейцер назовет «благоприятием перед жизнью», должна будет пробиваться сквозь тернии истории еще многие века. Уже в конце XVIII века И. Г. Фихте категорично будет утверждать, что Я стоит выше всего, что именно Я рождает из себя и природу, и историю, и бога.

2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний

И в работах философов, и в сознании обывателей периода средневековья внутренний мир человека — это характеристика его отношений с Богом, т. е. средневековый антропоцентризм доминирует над принципом антропоцентризма. Парадоксально, что утверждение себя здесь осуществимо через отказ от себя (смирение, аскеза, послушничество). Но именно в эмоционально насыщенных переживаниях, в социальных связях предугадать индивидуальное начало средневековой культуры, а не в отвлеченных богословских категориях.

Не могла способствовать разнообразию, обогащению переживаний и социальная структура феодального общества. «Характерная черта феодального средневековья — неразрывная связь индивида с общиной. Вся жизнь человека, от рождения до смерти, была регламентирована. Он почти никогда не покидал места своего рождения. Жизненный мир большинства людей той эпохи был ограничен рамками общины и сословной принадлежности. Как бы ни складывались обстоятельства, дворянин всегда оставался дворянином, а ремесленник ремесленником. Социальное положение для человека было так же органично и естественно, как собственное тело; каждому сословию соответствовала своя система добродетелей, и каждый индивид должен был знать свое место» [80]. Т. е. «я» в раннем средневековом обществе еще не выделилось, не выросло из «мы». Это подтверждается известным в социальной психологии тезисом, что внутригрупповая конформность по отношению к чужим общностям оказывается социальной агрессией. Агрессия к чужому и сверхконформность к своему пронизывают всю систему общественной жизни средневековья, находя свое выражение в преобладающих чувствах и настроениях, шаблонах поведения, моральных нормах. Социальная агрессивность-конформность историками полагается в качестве универсальной черты средневековья, присущей всем без исключения группам, атрибутом социального типа эпохи [166, с. 117].

Поэтому и переживание одиночества, и переживание сомнений личного выбора — редкие проявления жизни средневекового человека. Размытость границ «я» была настолько сильной, что его практически